Глава 19

Появление Слизерина, да ещё такое неожиданное, связанное сразу с захватом школы и одного из всего трёх полностью магических поселений Британии, стало шоком, но тут же подняло новый вал. В Британии последние годы всё время что-то происходило. То бандитские разборки, то гражданская, то государственный преступник грохает королеву с премьером… теперь вот тысячелетний Магистр вернулся с того света и захватил область сразу с несколькими объектами масштаба не просто страны, но и, пожалуй, региона. Тот же Запретный Лес аналогов во Франции, к примеру, не имеет.

После тринадцати попыток сломать барьер Министерство вынуждено было признать своё поражение. Объявить Слизерина злым дядей, взявшим детей в заложники, тоже не вышло: половина перепуганных родителей уже успела забрать своих отпрысков из школы… точнее, отправить письма с прилетевшими совами и получить детей, которых сопровождали преподаватели. А кто-то из родителей маглорождённых даже сумел переехать в Долину, пусть таковых и было всего четыре семьи, но СМИ не только у Министерства есть. Салазар был бы идиотом, если б не взял под контроль парочку журналов и не создал бы новых. Ещё с середины июня в Англии появилась новая газета, которая быстро завоевала популярность своими неожиданными новостями. Более того, она зарекомендовала себя как поддерживающую Министерство, так что три выпуска со свежими новостями были очень неожиданными, а лозунг о том, что главное объективность, внезапно стал из предмета шуток про правительственных подпевал весьма убедительным постулатом. Новый информационный удар в самый неожиданный и ответственный момент стал очень внезапным и неприятным для Министерства, но очень удобным и полезным Салазару.

Наверное, хуже всего себя чувствовали маглорождённые преподаватели и старшекурсники, много чего себе напридумывавшие… и трясшиеся первую неделю, но вскоре более-менее успокоились. Ещё досталось Слизеринцам. Эти почему-то решили, что им теперь всё позволено… ошиблись. Салазар был очень изобретателен на наказания.

Следующим интересным событием стало моё доказательство мастерства в боевой магии. Стандартным экзаменом здесь был бой с тремя мастерами и оценивание пятью, включая сражавшихся. Самым неприятным противником был, как ни странно, Моуди, а не Флитвик. Грюм вообще очень неприязненно воспринимал Слизерина, да и в Хогвартскую группировку не входил. Тем не менее, когда я его отделал, Аластор не мог проголосовать против присвоения мне нужного звания.

Ну а затем снова грянул гром. Слизерин открыл мою личину, заодно представив меня к званию Лорда магии, как получившего пять званий Мастера. Ох, что тут началось! Видимо, Салазар желал погромче заявить о себе и прошлого представления ему оказалось недостаточно, отсюда и новый кипиш, чтобы удержать фокус внимания на себе. Сюда же вписывается и получение мною нужного звания, так как одно дело, когда ученик просто многократный мастер, а другое — когда Лорд магии в восемнадцать лет. Забавно, но обвинения с меня сняли заочно: дебилов обвинять ученика целого Магистра не было. Впрочем, пошумел я знатно. Наконец-то получив доступ к имуществу рода, Златорук тут же развернулся на полную. Сейчас капитал был раз в пять больше, чем раньше, а ввиду того, что мой управляющий успел уже выстроить планы по инвестициям, то всё золото оказалось быстро вложено, поэтому мне осталось всего пять тысяч галеонов на расходы. Впрочем, я явно зажрался. Моё “всего” — это тысяч сто пятьдесят

фунтов. Мягко говоря, дох*я.

Вскоре вернулся Годрик. Октябрь, шестое число, девять часов, сорок восемь минут, двадцать шесть секунд, судя по Темпусу. Годрик Гриффиндор входит в большой зал голый по пояс и нагло спрашивает Салазара, какого чёрта тот не оставил другу одежды. Октябрь, шестое число, девять часов, сорок восемь минут, тридцать секунд: кто-то грохнулся в обморок.

После возвращения Гриффиндора встал новый вопрос, даже не один, но главный, который интересовал Основателей: из кого доставать средоточия для дам. Слизерин предложил грохнуть для обеих Единорога. Одного… точнее одной единорожки должно было хватить. Годрик был не согласен: единороги ему нравились. В споре поставили точку сами дамы, после чего уже два чародея посменно стали работать с телами для женщин. В данном случае работал больше Салазар, тогда как Гриффиндор лишь помогал, а я вообще стоял где-то на подхвате. К началу зимы в Хогвартсе появились как Хельга, так и Ровена, после чего все четверо принялись за грандиозное переформирование программы по варианту, предложенному Салазаром. До этого дело двигалось хреновенько.

Не стоит думать, что обстановка вокруг и весь мир всё это время не менялись. Менялись и очень даже. Появление в Англии сразу четырёх Магистров резко сместило политический маховик в её сторону. Особенно это стало явно видно, когда Годрик, недолго мудрствуя лукаво, заявился в Министерство и заявил о расформировании данного органа.

Такое нельзя было устроить раньше, дабы не обрушить госсистему… теперь можно было, ибо Министерство скорее вносило лишний хаос и анархию в и так реально не существующую после последнего противостояния систему. Объявив себя новым правительством, четыре Магистра продолжили развлекаться. Повязав аврорат клятвами, Годрик начал муштровать и тренировать означенных людей, Ровене пришлось взять на себе управленческий аппарат… зато Хельга с Салазаром сумели откреститься от сей тяжкой ноши, переключив часть своего внимания на… меня.

Решив неотложные дела по возвращению своих товарищей с того света, Слизерин взялся за моё обучение всерьёз. Когда я уже начал шататься и честно заявил, что просто не успеваю спать, учитель прямо заявил:

— Сколько у тебя потоков мыслей?

— Эм… в каком смысле?

— В общепринятом.

— Один… ну, если считать ещё Тома, то больше.

— Том не занимает мощностей твоей ментальной оболочки и твоего мозга. Чтобы ты знал, Мерлин обладал десятью потоками. Более того, я не знаю Архимагистров, имевших меньше восьми потоков. Я могу разделять сознание на четыре потока, Ровена, Годрик и Хельга — тоже. Тебе надо развить свой разум до уровня, когда у тебя выйдет создавать второй поток мыслей. Как только ты этому научишься, то тебе недалёко останется до Архимага.

— Тот же Дамблдор или Воландеморт не обладали даже двумя потоками!

— Поэтому своей мощи они достигли лишь к шестидесяти-семидесяти годам, да и то лишь из-за изначальной магической силы.

***

— Старый дом Дамблдоров? Зачем нам сюда, Фоукс? — Рон и правда недоумевал. Фамильяр директора… бывшего директора Хогвартса словно взбесился, когда в школе появился Слизерин. Он тянул Уизли то в одну часть страны, то в другую, Иногда мог прямо посреди разговора налететь, схватить когтями за руку и вспыхнуть вместе с Роном в пламени телепортации. Сначала Уизли это бесило, потом привык. Он уже успел побывать во многих местах, выполнить множество действий, которые подсказывал Феникс, но вот зачем Фоукс перенёс Рона в Годрикову Лощину, последний и сам не знал. Что может быть в старом доме Дамблдоров такого?

— Да нет тут никого! — возмутился рыжий, но Феникс не слушал. Поняв, что двуногий упрямится, волшебная птица сама уцепилась когтями за дверной косяк и постучалась клювом. Дважды. Потом ещё раз. Рон уже хотел было уйти, но внезапно дверь отворилась и на порог выглянул…

— Профессор Дамблдор?! — смерив мальчишку нечитаемым взглядом, мужчина в преклонном возрасте хмуро ответил:

— Дамблдор, да. Только не профессор и не Альбус, а Аберфорт. Я брат Альбуса Дамблдора. А вот кто ты такой?

— Рон, Рон Уизли. Меня к вам привела вот эта вот птица, — повернув голову в сторону Феникса, Аберфорт задумчиво проговорил:

— Фоукс? Ясно… проходи, чего на пороге стоять.

Только лишь зайдя в дом и закрыв дверь, Аберфорт желал что-то сказать, но внезапно на него налетел огненный комок, вцепившись в лицо. Рон хотел было оторвать взбесившегося Феникса от тела человека, но внезапно оба они замерли, а затем из клюва смотрящего в глаза Аберфорта Феникса вылетел светящийся жёлтый шарик, войдя в солнечное сплетение Аберфорта. Мужчина тут же упал на пол, а Фоукс с довольным видом уселся на плечо Уизли.

— Фоукс, что… что произошло? Что ты с ним сделал?

Феникс лишь курлыкнул, но Рон уже давно начал понимать, что до него пытаются донести.

— Подождать? Ты уверен? Ну… ладно, — на всякий случай проверив пульс и дыхание человека, Рон незаметно даже для себя вздохнул и уселся в стоящее недалеко кресло. Возможно усталость, а возможно и Феникс, как-то слишком пристально смотрящий Рону в глаза, тому виной, но Уизли отключился весьма быстро.

***

Лорд Воландеморт учился на Слизерине, а туда идиотов не берут. Но даже просто умный человек не смог бы поставить рабское клеймо на половину аристократов и их наследников. Для

этого надо быть скользким и очень умным змеем, не меньше. И именно таким был звавшийся когда-то мерзким магловским именем "Том Марволо Риддл" Лорд Воландеморт. В тот момент, когда он погибал в третий раз, ему пришлось разрушить окончательно и так сильно повреждённое Авадой астральное тело, медленно разъедаемое энергией смерти отбитого заклинания. Энергия, вышедшая после разрушения, дала возможность ударить по противнику и разрушить основные связующие узлы астральной оболочки. Филигранная работа даже для мастера астральной магии. Разрушить почти всё и не разрушить ничего, ударить в самые уязвимые места с невообразимой точностью. Вот что сделал Лорд перед тем, как рвануться вперёд и попытаться вышибить душу мальчишки из всех оболочек. Надо отдать Лорду должное: безумная по самой своей сути идея почти увенчалась успехом. Почти, если бы он не был так истощен. Да что там! Он, Тёмный Лорд, проиграл ментальный поединок, хотя уж в легилименции-то наличие энергии почти не важно! Но истощение было слишком сильным.

Но, как уже говорилось, Лорд был Слизеринцем, а они никогда не ставят всё на одну карту даже в такой ситуации. Стоило бы поблагодарить мальчишку Поттера за то, что убил Нагайну. Пусть в тот момент вся ненависть сильнейшего тёмного Лорда столетия и была обращена на Гарри, однако тот, убив Нагайну, оказал Лорду неоценимую услугу. Поглотив крестраж, Лорд не успел слить две части души. Да и не пытался, в принципе: проще будет создать новый якорь. Билл Вейл был силён, он полностью разорвал на мельчайшие составляющие ментальную оболочку Лорда… только вот личность держалась не на одном куске души, а на двух. Вейл победил, но он сделал две ошибки: не заметил затаившегося врага и не стёр остатки “уничтоженной” личности. Лорд умел ждать, он не так давно ждал целых десять лет и был готов подождать ещё немного, выстраивая к разуму Вейла из ментальной клетки новые ассоциативные связи, чтобы позже перехватить контроль, но Билл сам, без понуканий, включил в свою ментальную оболочку фрагменты памяти Лорда. Что мальчишка хотел получить таким образом? Знания? Умения? Воландеморт не знал, но не воспользоваться такой удачей не мог.

Долгое время Лорд расшатывал психику юноши: посылал странные желания, постоянно создавал головную боль, насылал кошмары… да вообще спать не давал! Долгих два года Воландеморт кропотливо сводил своего носителя с ума, ослаблял волю… а потом ударил. Чётко, выверено, точно… и смертельно. Просто в одну далеко не прекрасную ночь уснул Вейл, а проснулся Лорд. Именно в ту ночь, когда Билл наконец-то прибыл в Англию, узнав местонахождение бывшего друга и желая встретиться с ним. Пожалуй, если бы эта встреча всё-таки произошла, то многомесячный труд Лорда мог бы и развалиться, но, к счастью одного и несчастью другого, времени не хватило.

Получив контроль над телом, Лорд тут же развил бурную деятельность. Во-первых, запихнул личность бывшего владельца куда подальше. Уничтожить пока нельзя, но и так сойдёт. Затем Воландеморт стал знакомиться с новостями. А новости были интересными.

Первое и самое жестокое разочарование постигло Лорда, когда тот читал о действиях вернувшегося Слизерина. “Самозванец? Может, настоящий? Нет! Не может такого быть!!!” Чародей, известный своей ненавистью к маглам, вдруг разрешает учиться в Хогвартсе маглорождённым?! Для себя Воландеморт выделил два варианта. Первый: Слизерин — фальшивка. Это было маловероятно, но в это хотелось верить. Второй: Слизерин настоящий и Лорд изначально ошибался в своём великом предке.

К сожалению, факт наличия парселтанга был подтверждён, а то, что Салазар сумел окружить всю Хогвартскую Долину защитой, свидетельствовало, что вернувшийся маг действительно

тянет на Магистра. Оборванные же нити меток ещё больше подтверждали подлинность Основателя.

И вот тут-то возникал выбор: за кого быть? Идти ли за своим предком или против него?

Лорд долго размышлял по этому поводу. Ровно до того момента, когда Салазар объявил личность своего ученика. Принять в ученики того, кто дважды, почти трижды убил твоего потомка? Это ясно показывало отношение к нему, Воландеморту, Основателя. А ещё очень точно демонстрировало, кто друг, а кто враг.

***

— Вы уже проснулись, мистер Уизли? — голос был почти как настоящий, а уж интонации с головой выдавали его обладателя.

— Директор Дамблдор?!! — непонятно, что было в голосе Рона больше: удивления, восхищения, ужаса или ещё чего-то. Вскочивший рыжик только сейчас сообразил, что направляет на профессора свою палочку. Чуть покраснев, Рон спрятал колдовской инструмент в футляр на поясе.

— Да, Рональд, присаживайся, — улыбнувшись за почти такой же, как и раньше, но теперь серой бородой, Дамблдор указал на стул перед собой. Рядышком уже стояла чашка ароматного чая. — У тебя, видимо, много вопросов?

— Вы же умерли! И почему ваш брат, и… и… — бывший директор с лёгкой полуулыбкой помахал рукой.

— Тише-тише. Ты хочешь узнать, как я вернулся? Видишь ли… ты наверняка слышал о крестражах. Это тёмная магия, разделяющая душу на части и помещающая одну часть в предмет… или живое существо.

— И вы…

— Нет! Нет, что ты. Ты верно помнишь, как в меня в битве при Хогвартсе попала Авада Кедавра? Я выжил лишь чудом. Это заклятие пережгло мне множество магических каналов, даже с помощью моего друга Фоукса, — названный взлетел Дамблдору на плечо и был почёсан за ушком, — я бы не прожил долго. Отправляясь в Министерство, я знал, что не переживу сражение.

— Но всё равно…

— Подождите, мистер Уизли. Видите ли, когда Авада Кедавра попала в меня, она почти выбила мою душу из тела, но не до конца. Позже Фоукс вернул меня на несколько часов, в Министерстве он забрал мою улетающую сущность и хранил в себе, ища готового отдать мне своё тело. Горько это говорить, но мой брат, Аберфорт, после гибели нашей сестры, в которой он винит себя, давно сломался. Фоукс знал это и… предложил Аберфорту отдать своё тело мне. В какой-то мере мой брат был жив лишь из-за того, что ждал этого момента. Он уже хотел совершить самоубийство пару лет назад, но я сумел его отговорить.

— Мне казалось, он сопротивлялся…

— Пока Фоукс не передал ему, что пытается сделать. Затем ведь он прекратил, верно?

— Да. Получается, вы снова с нами! Профессор, произошло слишком многое, вы очень много упустили! Мне столько нужно рассказать вам!

— Тише, Рональд, давай насладимся неспешной беседой за чашкой этого замечательного чая. Возможно время и торопит нас, но не настолько же?

— А? Да, хорошо!..

***

С Гермионой отношения потихоньку наладились до приятельского уровня. Не сказать, что мы вот прям стали снова друзьями, но общались часто, да и вообще прилично так вместе времени проводили, вспоминали недолгие годы совместной учёбы в Хогвартсе, делились произошедшим после… Конечно, только то, что незачем было скрывать. Свои тайны и мелкие секреты никто даже и не думал открывать, а уж тем более раскрывать душу.

Примерно уяснив ситуацию, когда она окончательно устаканилась внутри Хогвартской долины, Гермиона окончательно решила осесть тут, вступив в стройные, но пока достаточно редкие ряды целителей маленького государства в государстве. Салазар ещё в самом начале, летом, проработал вопрос с колдомедиками, заявив, что живущие вне Долины здесь заниматься целительством на постоянной основе не имеют права, поэтому из всех врачей у нас имелась лишь мадам Помфри, Гермиона, которая сумела сдать на младшего целителя, а также трое, переманенные Малфоем. Впрочем, маги вообще нечасто болеют и ещё реже обращаются за медпомощью: зелья решают многое. А уж когда вернулась с того света Хельга, даже теоретически недостатка в колдомедиках у нас быть не могло.

Внешний мир бурлил непрестанно. Только успокоившиеся более-менее маглы оказались под новым магическим ударом: на этот раз — Париж. Кто-то особо умный или наоборот перенял эстафету Воландеморта, устроив новое сожжение людей адским пламенем. Это ещё можно было бы скрыть, но, как выяснилось, сие дело проводилось лишь для привлечения внимания камер, после чего пока ещё неизвестный, но активно разыскиваемый злодей-революционер прямо под прицелом объективов устроил целое представление. Пожалуй, существование магического мира становится сложно скрывать, когда за какие-то секунды ясное голубое небо чернеет, собирается в огромное лицо и несётся прямо на Эйфелеву Башню, превращая конструкцию, ставшую лицом Французской столицы, в груду металла. “Весьма экстраординарно, но эффектно и в данном случае эффективно…” — весьма точно заметил, когда узнал об этом случае, Слизерин.

— Этот неизвестный практически никого не убил, где же тут эффективность? — пророкотал Моуди.

— А он себе таких целей и не ставил… чтобы убить много маглов, достаточно притащить в город голодного дракона. Мне почему-то кажется, что маг, способный на то, что мы только что видели в иллюзии, справится с такой задачей.

— Зачем так извращаться? — удивилась Леди Рейвенкло. — Есть и более простые способы. Инферналы, проклятия, распылённые яды…

— Это не отменяет того факта, что данный чародей очень желает нарушить Статут секретности. Более того, он желает, чтобы маги вышли из тени в качестве эдакой страшилки, злых колдунов, в качестве… врагов.

— А он разве УЖЕ не добился своего? — удивился я.

— Нет, Гарри, ты просто не представляешь себе, на что способны магловские спецслужбы в связке с обливиэйторами…

До нас новость дошла всего спустя пару десятков минут после случившегося, поэтому ещё рано было судить о последствиях. Как выяснилось позже, Слизерин был прав. Видимо, после смерти британской королевы все уже были наготове. Воды забвения, распылённые по всему городу… я прям офигел. Париж — город-миллионник, а не какая-то там деревня или Нью-Йорк двадцатых годов, в котором как-то тоже пришлось стирать всем память. Полностью, конечно, ничего не скрыть, но, как выяснилось, устраивать спецэффекты и снимать красивые картины умеет не только Голливуд. Кстати, по поводу Голливуда, то он как раз закончил монтировать картину о прошлых событиях ещё на островах. В новом фильме как раз рассказывалась “правильная” история массовой истерии.

***

— Ну здравствуй… Билл, — хмуро произнёс я. Всё-таки была у меня надежда, что наша щекотливая ситуация развяжется сама собой ввиду смерти бывшего друга от предсмертного проклятия Тёмного Лорда.

— И тебе не хворать, — спокойно кивнул он. — Ты, видимо, гадаешь, зачем я пришёл? У меня появилось желание присоединиться к вашему анклаву, — я от такой наглости даже прифигел чуток.

— Ты сейчас серьёзно считаешь, что после твоего предательства…

— У меня были причины, ты знаешь, какие. К тому же, я ведь не отказываюсь от непреложного обета, — Билл прям руками развёл в знак своей невинности. — А если честно, Гарри, то теперь я лучше тебя понимаю…

— Я не желаю восстанавливать наши старые отношения. Не сейчас и не в ближайший десяток лет. Что касается остального, то поступай на общих условиях: я не стану ни помогать, ни мешать.

Помешать очень хотелось, только вот было несколько нюансов. Самый первый и важный: я не Слизерин и не Годрик. Хогвартский Анклав — это их территория. Да, они неплохо ко мне относятся, я ученик всех четырёх Основателей, но так или иначе я не во главе всей организации, более того, даже не близко к главе. Я в первую очередь имею здесь своё влияние как ученик Основателей, а уже во вторую — как талантливый и сильный маг. Да, меня многие хотят заполучить, и вообще… но без Основателей я никто и звать меня никак. Просто весьма сильный одиночка. Это как до воскрешения Салазара, когда любой кому не лень обвинял меня во всех смертных грехах, объявляли преступником, тёмным магом… а когда появились Основатели, то вдруг бац — и обвинения сняты.

Билл же весьма талантливый маг, более того, вероятность его неблагонадёжности исключается непреложным обетом, а значит любые палки в колёса, которые я ему стану вставлять, будут именно из-за моей личной неприязни. Личной, а не какой-нибудь ещё. И вот теперь следует вывод, что если личная неприязнь того же Слизерина ещё может служить поводом к тому, чтобы послать подальше мага, в ближайшие лет десять имеющего все шансы выйти на уровень Лорда Магии, то из-за моей личной неприязни это невозможно. Нет, если я попрошу, то мне не откажут и пошлют Билла, только вот мой авторитет в глазах учителей упадёт, а такого мне не хочется. С другой стороны, его действия я могу понять, а потому отношусь к нему хоть и неприязненно, однако и без ненависти. Просто постараюсь с ним не встречаться.

Разговаривать дальше с бывшим другом я не желал, а потому просто исчез с места встречи. Впрочем, Билл появился в Долине весьма быстро, хоть и был почти незаметен. После последнего случая обвинения с него успели снять. Насколько мне стало известно позже, во время событий в Париже, здесь, в Англии, всех Вейлов кроме него нашли мёртвыми в полном составе. Тёмная история, но мне было почти плевать: куда там Билл вляпался, меня не волновало. В спину он не ударит: не просто так обет приносил.

С обетами вообще была сложная система, действующая по цепочке. Каждая приносимая клятва подразумевала, что приносящий также сможет принять аналогичные обязательства и от кого-то нового, более того, без разрешения кого-то из Основателей или назначенных ими лиц, не сумеет снять с давшего новую клятву обязательства. Таким образом удавалось обойти ограничения на количество клятв.

Билл принёс обет МакГонагалл, а скреплял Флитвик. Чем хороши обеты, так это тем, что даже при смерти принимавшего клятву, обет всё равно действует, пока жив скреплявший её. Впрочем, если Билл сможет каким-то образом грохнуть сразу и Флитвика, и МакГонагалл, то сама клятва будет действовать ещё долго ввиду силы их обоих. Лет двадцать, я думаю.

***

— Профессор, вы что-то хотели?

— Да, Рональд. Мы уходим завтра на рассвете. Вот, познакомься, это Билиус Регулус Вейл. Насколько я знаю, вы были знакомы в школе?

— И не слишком ладили, — раздался смутно узнаваемый голос. — Впрочем, теперь мы в одной лодке, да, Рон? — новенький в их компании вышел из тени, давая разглядеть своё лицо. Протянул руку. Чуть поколебавшись, Уизли молча и крепко пожал ту.

— Я рад, что вы не стали нести за собой школьные ссоры, мальчики.

— Учитель, почему вы не пытаетесь связаться с Минервой МакГонагалл? — поинтересовался Вейл. На вопросительный взгляд Рона, Альбус пояснил:

— Я решил взять вас обоих в личные ученики, если ты не против, Рональд. Да-да, я помню, что обычно больше одного ученика не берут, но мистер Вейл был весьма убедительным, — на этих словах Билл на мгновение дёрнул губой. Ещё бы он не был убедителен! Пожалуй, он знал своего бывшего и нынешнего учителя получше той же Минервы, а уж обладая памятью

прежнего Вейла… — Что касается твоего вопроса, Билиус, то Минерва явно целиком и полностью теперь предана Годрику Гриффиндору, — печально развёл в стороны руками пепельноволосый маг. — Я не говорю, что это плохо, но, пожалуй, нам не стоит её тревожить.

— Так вы решили?!..

— Да, уйти. С возвращением Основателей Британия, да и весь мир преобразятся, перестанут быть прежними. И, боюсь, нам в этом новом мире пока места нет. Стоит, я думаю, покинуть его. В своё время я успел немало попутешествовать… думаю, Соединённые Штаты нам пока подойдут… — что было в голове у старика, знал лишь он сам. Ни Билл, ни Рон не могли сейчас понять планов бывшего директора, которые явно пока ещё не закончились глупым решением уйти на покой. Впрочем, что для одного, что для другого были свои резоны следовать за теперь уже серобородым чародеем.

***

Последнее время я практически плевал на внешний мир. События в мире давно уже перестали крутиться вокруг меня: Основатели занимали всё мировое внимание и крепко держали его на себе. Я же погрузился в то, что действительно важно: в учёбу. Мои учителя обещали довести меня до уровня Архимага, дальше наши дорожки разойдутся. И именно поэтому я перенимал у них именно те направления и дисциплины, которые ныне в мире давно уже лежат вне сферы общего доступа. Магия душ, химерология, некромантия… Пусть лично мне данные направления и были не слишком приятны, но просить Салазара учить меня зельям?

Существует чёткое определение звания Архимага. Как только мои учителя доведут меня до уровня, когда мои навыки и знания будут этому званию соответствовать, мы, скорее всего, расстанемся в плане учёбы. Никто из них не взял себе новых учеников, несмотря даже на наличие явных талантов. Том, да и я тоже вполне себе понимали, что в планы Основателей не входит никого учить: Магистры вообще редко берут учеников. Мне выпала уникальнейшая возможность заполучить сразу четверых таких учителей, но объём знаний, который они мне предоставят, пока доведут до звания Архимага, ограничен. Да, Салазар гений в зельеварении, алхимии, но и то, и другое можно освоить и без него, а вот некромантию мне сейчас никто не станет преподавать. Единственные, пожалуй, направления, которые имелись и в иных источниках, помимо новых хозяев Хогвартса и которые я всё-таки решил учить именно у Основателей — это магия рун, боевая магия, да ещё парочка.

Именно такие, потому что это были основные направления четверых чародеев. Вряд ли найдётся даже тройка-другая магов, которые смогут одолеть Годрика. Мне на ум вообще приходят в голову только Фламель и Морозов, которые смогли бы победить в такой схватке за счёт превосходства в опыте (на пару-другую веков) и силе. Почти никто не сравнится, пожалуй, в магии рун с Ровеной, а с Хельгой — в целительстве. Единственным “обделённым” остался Слизерин, основное направление которого, зелья, (П. А. “Зелья” — это обособленное Приложение, так что запятые стоят правильно) я не ставил в качестве реального приоритета ввиду огромной сложности дальнейшего развития и уже весьма неплохого уровня в них.

Собственно, к чему я это? В последние уже… наверное, года полтора я по чуть-чуть наращивал темп обучения и, открыв весной девяносто девятого второй поток сознания, пусть пока ещё и очень неуверенный, постоянно сливающийся с первым, но позволяющий при некоторой концентрации мыслить сразу о двух вещах одновременно, я резко взвинтил планку.

Уже достаточно зная магию душ и рун, имея второй поток сознания и Тома, я начал воплощать когда-то пришедшую мне в голову идею.

Мой крестраж-гримуар. Следует отметить, что гримуар — это не просто книжка. Гримуар — это нечто большее. Отдельное направление развития вспомогательной артефакторики, отвечающей за всяческие колдовские инструменты вроде палочек, перстней и тому подобного. Абсолютно особый инструмент, позволяющий зарисовать сотни рунных конструкций и схем.

Собственно, первые гримуары так и появились, когда маги начали таскать с собой книжки с готовыми рунными схемами. Только вот бумага часто не выдерживала магическую энергию. Прожигалась, обугливалась, чернила буквально выжигались из листов… и появилась новая идея: сделать гримуар из чего-то иного. Затем — использовать нечто иное для письма. Дальше — больше. Некоторые маги, которые пользовались подобными инструментами, постоянно носили свои гримуары с собой. Так почему бы не встроить в книжку кристалл с накопителем? Удобно ведь, когда всё в одном, не так ли? Уже это можно было считать новой ветвью вспомогательной артефакторики, ведь видов гримуаров появилось великое множество.

Далее — чары. Никому не будет приятно, если враг после смерти будет пользоваться твоими же наработками. Предсмертные проклятия, проклятия на принадлежность, скрывающие чары, ложные страницы…

В гримуары встраивали кристаллы-накопители? А почему бы не встроить кристалл с заключённой душой? Ну так… всё равно ведь накопитель надо заряжать, а? Инквизиция, как структура, желающая полностью подчинить себе магию, возникла не на пустом месте. Было время в начале первого тысячелетия нашей эры, когда маглорождённых считали за второй сорт магов и, в принципе, магический мир для них был очень опасен, ведь многие, относительно конечно, владели магией душ, но вырывать душу у мага из рода… родственнички пришибут потом или проблем доставят, а вот из какого-нибудь полусквиба…

О Гримуарах можно ещё долго говорить, но смысл в том, что у меня-то как раз была практически идеальная заготовка. Страницы моего крестража проводили магию и могли её запасать. В принципе, их можно было бы даже использовать, как сердцевину для слабой в плане мощности палочки. Зато проводимость будет прекрасная. И именно такие вот страницы выдержат любые, я думаю, заклинания. Более того, постоянная проблема большинства таких магических инструментов — ограниченность. У меня её не будет. Кусок моей души может по моему желанию на любую страницу вытащить мне всё, что я хочу. Любую схему, любые руны, более того, любую информацию. Неплохо иметь библиотеку почти безграничного объёма в одной небольшой книжице? Правда, туда требуется переписывать многое, но и здесь я схитрожопил. С помощью относительно небольшого рунного круга на три сотни символов можно было передавать крестражу воспоминания, кидая их, словно в омут памяти. А круг хранился где? Правильно: в памяти крестража. Удобно? Несомненно.

Однако идея была даже не в этом, хотя теперь любую свою рунную конструкцию, да и не свою тоже, я сохранял в памяти своего постоянного спутника. Идея была в том, чтобы воплотить старые идеи, сделав гримуар накопителем и генератором магической энергии… а заодно и тюрьмой. Конечно, он и так мог вырабатывать ману, но не в тех объёмах, которые могли бы мне дать имеющиеся у меня души.

Более того, особых усилий тоже не требовалось. Доработать уже имеющуюся духовную клетку сотней новых символов для поправки на материал страницы и готово! Работа заняла “всего”

что-то около трёх месяцев, но зато какие перспективы! Одна “клетка” занимала полстраницы. Меньше сделать не выходило, ибо размер рун, кто бы что ни говорил, тоже иногда имеет значение. Концентрация энергии будет слишком высока, если сделать меньше. Когда выплавляешь символы на граните, то особо внимания на размер можно и не обращать. Если брать драгоценные камни, то тоже, этот материал вообще хрен разрушишь таким. А вот бумага, какой бы особой она ни была, требует определённого порога концентрации силы, после которого она начнёт прожигаться.

Было и ещё одно ограничение. После переноса души Снейпа я узнал одну неприятную новость: “впитать” клетку крестраж не мог. Сделать невидимой? Пожалуйста. Только вот даже на невидимой надписи руны было лучше не рисовать, ибо малейшее лишнее колебание скорее всего разрушило бы темницу. Не то чтобы совсем неприятно: сделать невидимой рунную конструкцию и выводить текст-то можно, однако такое ограничение дало мне также и ограниченное количество страниц. В моём, как Тома Марволо Риддла, бывшем дневнике, было ровно полсотни листов. Страниц, понятное дело, сотня, да только даёт это мне немного, ибо с обратной стороны другую душу не запихнёшь. Итого я могу заполнить ровно девяносто шесть “слотов”, учитывая, что каждая клетка занимает полстраницы, а последние два листа мне нельзя использовать, так как самые крупные схемы как раз требуют из-за ограничения концентрации энергии в руки и, следовательно, размера символов что-то около разворота моего гримуара.

С другой стороны, мне грех жаловаться: пусть даже схемы несовершенны, как и материал, ввиду чего большая часть энергии как раз уходит на удержание пленников. Пусть душа и не может постоянно выдавать большую мощность, ведь и маги тоже тратят силу вовсе не каждую секунду, однако даже то, что сейчас в бывшем дневнике, а именно десять духовных оболочек, делает гримуар примерно таким же по силам, как я сам.

***

Инквизиция зашевелилась весьма неожиданно. Уж с этой-то стороны никто удара не ожидал, а оказалось, что Церковь — это вовсе не декоративная структура.

Маги думали, что от своей идеи мирового господства и полного контроля магии церковью священники отказались… ага, как же. Магия инквизиторов никуда не делась, а восстановить утраченное в двенадцатом-пятнадцатом веках церковники могли. Пусть магия инквизиторов и специфична, но она существует и она опасна. Начавшие пропадать маги, даже среди аврората, тому подтверждение. Конечно, никто ничего не заявлял и не объявлял, однако слухи-то поползли…

В основном означенные события происходили в Европе континентальной, а не в Британии, где Римская Церковь особой власти не имела, однако и Англии досталось.

На острове вообще ситуация сложилась неоднозначная. Собственно, треть пространства здешнего магического мира — это как раз Хогвартская Долина, которую так удачно “спёр” Салазар. И именно здесь собрались чего-то стоящие маги. Здесь же была и школа. Сейчас ещё процесс не завершился, но тенденция была видна: средоточие магической жизни Британии уже давно стало перетекать именно сюда. Остальные же области вроде Косого или Годриковой Лощины, или отдельных домов магов, Серебряной Аллеи, Лютого… все эти места становились… окраинами. Да, очень точно. Не трущобы, но так… местность второго порядка. До “второго сорта” она не скатилась лишь потому, что Основатели также не всех устраивали,

как и условия проживания около Хогвартса, а потому некоторые мастера (единицы), да и просто сильные маги, семьи, оставались жить вне Долины. Их право.

Собственно, к осени девяносто девятого года успел установиться некий паритет между всё-таки сохранившимся, несмотря на мимолётную попытку Годрика упразднить его, Министерством и Хогвартсом, который из школы превратился ещё и в административный центр и личную вотчину Основателей, будучи разделённым на несколько независимых секций. Итак, возвращаясь к разделению: центром правил Четырёхбашенный Замок, как когда-то давно называли личную вотчину четверых магистров (видимо, имеется ввиду четыре чародея, ибо башен в Замке точно было не четыре). “Окраины” же Британского магического мира остались за Министерством. При этом новое правительство Британии имело сразу двоих представителей от обоих магических центров.

Чиновники в своей борьбе за власть пытались использовать наличие Гринготса на “своей” территории в попытках сохранить паритет, однако не прокатило: Слизерин предвидел этот ход давно. Учитывая свою медицину и несколько посёлков, один из которых представлял из себя общую торговую территорию Долины, Хогвартс стал автономен процентов на восемьдесят. К сожалению, выводить у себя драконов было проблематично, да и редкие растения или другие животные также не могли бы “производиться” здесь, однако в плане еды и всяческих вещей/услуг первой необходимости обеспечить себя все могли. Пожалуй, Министерство даже выступило бы в открытую, начав новую гражданскую войну, однако четыре Магистра здорово всех пугали, а предыдущие попытки силой проломить барьер здорово всех отрезвили.

До начала двухтысячного ничего особо не происходило, разве что Вейл погиб. Я испытывал к нему смешанные чувства, но на похороны всё-таки пришёл. Лицо сильно изменилось за прошедшее время, как и тело, но черты всё ещё были узнаваемы.

***

Как раз в это время “погибший” сидел и просматривал принесённые от марионетки с промытыми мозгами и изменённой внешностью воспоминания.

***

Было ещё несколько “терактов”, но большинство умело шифровалось, а после очередного заявления о магии люди и сами давно, уже по привычке, стали крутить пальцем у виска. Ровена с Годриком вступили в контакт (зелёные человечки :-]) с парой других “коллег”… я уже давно перестал обращать на происходящее внимание. В конце концов, нахожусь в полной безопасности. Щит Хогвартса даже ядерную бомбу отразит… одну. Потом накопители ещё с полмесяца заряжать. Но ведь отразит же! А до ядерного удара вряд ли дойдёт даже в случае войны. В остальном же… почему вообще меня должны были волновать мировые проблемы? Да даже не мировые, а, скорее, европейские. Остальные-то более-менее спокойно воспринимают всё. В Америке, правда, чёрт знает что: единого общественного мнения нет, но появись там сейчас маги, так это событие хоть и воспримут очень бурно, но уж точно не на уровне “давайте биться до последнего человека”. В России… там-то как раз спешно наводят порядок в том числе и с помощью колдовства. Мусульманские страны? Чёрт их знает, мне сложно просчитать реакцию там на собственных колдунов, но зато более чем уверен, что в той же Японии или Китае ничего серьёзного не будет. В конце концов, закрытые пространства чародеев ещё хрен достанешь, собственно, их поэтому пока ещё и не припахали “на благо родины” везде, где

только можно.

На первое января двухтысячного года отправился в Москву. Захотелось вдруг увидеть тот самый салют, который должен будет повествовать о смене века. Сам-то я его в прошлой жизни не застал: родился на месяц позже, да и будь иначе, не запомнил бы. Что могу сказать… по-настоящему красиво и… монументально? Странно, но именно такая ассоциация у меня возникала. Небо расцветало множеством огней: действительно, смена веков, да ещё и тысячелетий… и эпох. Пожив даже в начале третьего тысячелетия, с уверенностью могу сказать, насколько же изменятся реалии даже того же двадцатого века по сравнению с тем, что будет дальше. Это был момент из разряда “мир уже не будет прежним”. Действительно, не будет.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/37232/803404